

СЕРИЯ «МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА»

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГИТАРА. ШЕСТЬ СТРУН

Как научиться играть
и не бросить на третьем
аккорде

ЮЛИЯ СТЭФАНИ ХЕРРЕРА

Юлия Стэфани Херрера

**Гитара. Шесть струн. Как
научиться играть и не
бросить на третьем аккорде**

«Автор»

2026

Херрера Ю.

Гитара. Шесть струн. Как научиться играть и не бросить на третьем аккорде / Ю. Херрера — «Автор», 2026

Соня слышит каждую свою ошибку. Стоит скрипке зазвучать чуть фальшиво, как ей хочется остановиться, извиниться и начать сначала. Ей тринадцать, она учится в музыкальной школе и всё чаще боится не сложных произведений, а того, что кто-то услышит, как у неё не получается. Но разве можно научиться играть красиво, если каждая неверная нота кажется поражением? «Скрипка. Слышать себя» помогает разобраться, почему интонация бывает неточной, как развивать музыкальный слух, работать над чистотой звука и постепенно избавляться от страха ошибок. Здесь есть практические советы, упражнения и поддержка для тех, кому знакомо мучительное желание сыграть идеально с первой попытки. Вторая книга серии «Музыкальная школа» — для юных скрипачей, их родителей и взрослых, которые только начинают осваивать инструмент. Потому что научиться слышать себя — значит услышать не только ошибки, но и собственную музыку.

© Херрера Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Посадка	7
Удобная опора	11
Попробовать на занятии	13
Г	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гитара. Шесть струн. Как научиться играть и не бросить на третьем аккорде

Херрера Юлия Стэфани

Серия «Музыкальная школа». Книга третья

Гитара. Шесть струн

Как научиться играть и не бросить на третьем аккорде

Предисловие

На старой гитаре часто есть царапина, происхождение которой никто уже не помнит. Может быть, её задела молнией куртки. Может быть, уронили на пол, когда торопились открыть дверь. Про эту царапину рассказывают охотнее, чем про вечер, после которого инструмент убрали на шкаф.

Там не обязательно произошло что-то страшное. Иногда просто началась работа, родился ребёнок, соседи стали стучать в стену. Иногда рядом оказался человек, который однажды рассмеялся в неподходящий момент. А иногда хозяин гитары решил, что сначала нужно стать хорошим музыкантом и только потом позволить себе играть при других. До этого дня дело так и не дошло.

Грише достался именно такой инструмент. Отцовская гитара лежала в чехле достаточно долго, чтобы превратиться из части чьей-то жизни в семейную вещь. Её можно было переставлять при уборке, вспоминать за столом, обещать когда-нибудь поменять струны. Можно было даже гордиться тем, что она есть. Но открыть чехол и не суметь взять простой аккорд оказалось гораздо труднее.

Мне хотелось оставить в этой истории место для человека, у которого пока ничего не звучит целиком. Для того, кто обрывает песню перед неудобным переходом, стесняется собственного пения, сравнивает свои первые недели с чужими годами. И для близкого, который слышит из другой комнаты одно и то же место и уже не знает, как спросить, скоро ли будет лучше.

В таких вечерах легко потерять друг друга. Один слышит шум, другой — упрёк. Один считает деньги на занятия, другой думает, что обязан оправдать каждую потраченную купюру. Между ними находится гитара, которой приписывают слишком многое: будущую профессию, дисциплину, благодарность, семейную мечту. На струнах невозможно удержать весь этот груз.

Поэтому дальше будут обычные вещи. Стул, который мешает удобно сесть. Песня, которую пока приходится упростить. Разговор, после которого хочется закрыть дверь, и другой разговор, ради которого её оставляют приоткрытой. Трудные места никуда не исчезнут. Зато у каждого постепенно появится имя, и с ними можно будет что-то делать.

Возможно, вы вспомните собственный инструмент. Возможно, человека, который сейчас занимается за стеной. Мне хочется, чтобы после этой истории у вас нашлось для него немного терпения и один вопрос без скрытой проверки: что тебе сегодня хотелось сыграть?

Иногда именно с такого вопроса начинается музыка, к которой возвращаются.

Боль и повторяющееся недоумение — причины прервать занятие и обратиться за помощью. Описанные в истории опыты обсуждают с преподавателем; они не заменяют индивидуального подбора постановки и медицинской оценки.

Глава 1. Посадка

Во вторник в шесть Гриша стоит в коридоре дома культуры и ждёт, пока тётя Люда найдёт ключ от четырнадцатого кабинета. Ключ висит на доске за стеклом, и на нём бумажная бирка с цифрой, обведённой синим, но бирка оторвалась ещё в прошлом году, и теперь ключ от четырнадцатого не отличается от ключа от актового зала. Тётя Люда перебирает связку, вздыхает и говорит: «Опять они там натоптали», — хотя в коридоре чисто и пахнет мокрым линолеумом.

На стене висит расписание кружков, напечатанное на жёлтой бумаге и засиженное мухами. Вторник — гитара, восемнадцать ноль-ноль, кабинет четырнадцать. Среда — балльные танцы. Четверг — гитара. Пятница — вокальный ансамбль, но ансамбля нет уже второй год, и бумажка осталась. Гриша читает её каждый раз, пока ждёт, и каждый раз находит что-нибудь новое: например, что по субботам в девять утра идёт «ритмика для малышей», и что в доме культуры, оказывается, есть ещё и шахматы.

Ключ наконец находится. Тётя Люда включает свет в конце коридора и говорит вслед: «До десяти, я потом закрою».

В четырнадцатом кабинете пахнет старыми книгами и пылью, потому что до ремонта здесь была библиотека, и стеллажи остались — их не стали выносить, только сдвинули к стене. На полках вперемешку стоят подшивки, справочники по радиотехнике и три тома чьих-то сочинений с золотым тиснением. На подоконнике — стеклянная банка с медиаторами, и в ней их столько, что она не закрывается. Два стула, пюпитр, гитара Веры в углу на стойке, старая, с потёртой декой.

Вера сидит на подоконнике с кружкой, у которой отбита ручка, и смотрит в телефон. Она в джинсах и свитере с закатанными рукавами, и на левом предплечье у неё маленькая татуировка, похожая на нотный знак, а может, и не нотный. Когда Гриша входит, она поднимает голову и говорит:

— Садись.

Он садится на стул, ставит чехол на пол и начинает вынимать гитару, и это занимает у него дольше, чем нужно, потому что молния разошлась у угла и надо попасть язычком в бегунок. Вера не помогает и не смотрит на него, она смотрит в телефон. Потом откладывает телефон, отставляет кружку и говорит:

— Покажи, что умеешь.

Три аккорда и переход между ними — вот всё, что он знает, и выучил он их по видео в телефоне, где парень с длинными пальцами играет то же самое и это звучит как песня. У Гриши это звучит как три аккорда. Между первым и вторым он останавливается: снимает пальцы, ставит заново, проверяет, потом бьёт по струнам. Пауза короткая, но она есть каждый раз, и от неё всё разваливается на куски, как фраза, в которой после каждого слова набирают воздух.

Он доигрывает до конца, хотя конца нет, и просто перестаёт бить.

Третья струна у него всегда уезжает. Он подтягивает её перед каждым занятием, и её хватает минут на десять, а потом она начинает звучать ниже, чем надо, и он это слышит, но не понимает, что с этим делать: колок, за который её крутят, ходит легко, почти без сопротивления, и обратно его не держит ничего.

— Всё, — говорит он.

Вера молчит. Она смотрит не на его руки, а куда-то ниже, на гитару, и Гриша от этого начинает поправлять ремень на плече, хотя ремня нет.

— Чья гитара? — спрашивает она.

— Отца.

— Он играет?

— Раньше.

— А сейчас?

— Не знаю. — Гриша пожимает плечами. — Она на шкафу стояла. Двадцать лет.

Вера кивает так, как будто это что-то объясняет, и встаёт с подоконника.

— Дай сюда.

Гитара переходит к ней, и она садится на второй стул, и Гриша впервые видит, как это выглядит со стороны. Вера ставит инструмент на правое бедро, прижимает нижний край деки к груди, кладёт предплечье правой руки на верхнюю обечайку — и гитара остаётся. Просто остаётся, ничем не придерживаемая. Гриф у неё смотрит не в пол, а чуть вверх и в сторону, и левая рука лежит на нём легко, как рука на перилах.

Те же три аккорда, в том же порядке, без всяких украшений — и это звучит как песня. Между аккордами у неё тоже есть время, но это не пауза, а как будто вдох.

— Слышишь разницу? — спрашивает она.

— Слышу.

— А в чём разница?

Гриша думает. Он думает про пальцы, про то, что у неё они длиннее, про то, что она играет сто лет.

— В руках.

— В гитаре, — говорит Вера. — У тебя она висит, у меня стоит. Всё остальное — следствие.

Она отдаёт ему инструмент и разворачивает стул так, чтобы сидеть напротив.

— Смотри, что у тебя происходит. Ты её держишь левой рукой. Гриф у тебя смотрит в пол, потому что если его отпустить, он поедет вниз, и ты это чувствуешь, поэтому ты его держишь. Значит, левая рука у тебя занята: она не играет, она держит. А теперь посмотри, где у тебя правая.

Взгляд уходит на правую руку. Она лежит на деке, почти вся ладонь, и мизинец упирается в дерево.

— Ты по ней опираешься, — говорит Вера. — Поэтому она не может бить. Она может только шевелиться.

Она встаёт и показывает: садится, ставит гитару, кладёт предплечье на обечайку, и кисть у неё висит над струнами свободно, как будто ей нечего делать.

— Вот здесь, — говорит она и хлопает себя по предплечью. — Не ладонь на деке, а предплечье на краю. Тогда кисть свободна. Попробуй.

Проба заканчивается сразу: гитара немедленно съезжает вниз по бедру, гриф клюёт, и он ловит её левой рукой, как ловят падающую чашку.

— Вот, — говорит Вера. — Это оно.

— Что оно?

— То, из-за чего всё остальное не работает. Ты не можешь отпустить левую, потому что гитара не стоит. Ты не можешь играть правой, потому что она держит. И пальцы у тебя не потому плохие, что слабые, а потому что им приходится работать в конструкции, которая всё время падает.

Она садится обратно и подвигает ему под ногу деревянную подставку, которую до этого держала под стулом, и Гриша не сразу понимает, зачем она нужна. С подставкой колено оказывается выше бедра, и гитара вдруг ложится иначе — глубже, что ли.

— Гриф чуть вверх, — говорит Вера и показывает ладонью. — Не в потолок, а вот так. Тогда пальцы подходят к ладам сверху, а не сбоку, и тебе не надо выкручивать кисть.

— А почему я сам этого не заметил?

— Потому что ты смотришь на струны. Все смотрят на струны. — Она откидывается на спинку. — Ладно. Три точки. Бедро, грудь, предплечье. Ставь.

Гриша ставит.

— Я придержу корпус, а ты попробуй ослабить хват левой. Совсем убирать руку не надо. Он убирает. На «раз» гитара ещё держится, на «два» начинает клониться, на «три» он её ловит.

— Ещё раз.

Второй раз она держится до двух с половиной. Третий — почти до трёх. На пятый раз он сидит с гитарой, у которой гриф смотрит вверх, и левая рука у него на колене, и ничего не падает, и это ощущение настолько непривычное, что он не сразу понимает, что изменилось.

— Наклонись вперёд, — говорит Вера.

Он наклоняется. Гитара едет.

— Значит, держишь корпусом, а не бедром, — говорит она. — Бедро должно ловить. Ладно, это тоже не за один день.

За стеной начинают танцевать: слышно, как преподавательница считает «и раз, и два» и как кто-то всё время опаздывает на «и». Гриша смотрит на свой гриф, который теперь смотрит вверх, и на свою левую руку, которая лежит на колене и ничего не держит, и говорит:

— Я думал, вы будете про аккорды.

— Буду, — говорит Вера. — Только аккорды тебе не помогут, если инструмент падает. Ты его держишь, а он должен стоять. — Она берёт свою кружку, смотрит в неё, ставит обратно. — Кстати. Кто тебе сказал, что на гитаре может каждый?

— Все.

— Все — это кто?

— Ну... — Гриша пожимает плечами. — Отец так сказал. Что это не пианино.

Вера усмехается, но не зло.

— На гитаре каждый может, — говорит она. — Так говорят те, кто бросил. Это не про гитару, это про них. Им надо было как-то объяснить, почему они не играют.

Окно в кабинете открывается туго, и Вера дёргает створку, а потом говорит, не оборачиваясь:

— Дома две минуты. Просто сиди с ней и ничего не играй. Поставил, убрал левую, сидишь. Тело должно запомнить, что она стоит сама.

✱

Дома он приносит кухонный стул, ставит гитару удобнее и проверяет, не приходится ли поднимать плечо. Левую руку не убирает: пока достаточно заметить лишнее сжатие. Несколько минут сидит без игры, потом берёт знакомый аккорд.

Телевизор включается в коридоре, потому что отец приходит с работы, ставит чайник, щёлкает каналами и находит новости, и голос диктора становится громче, чем был, — так у него всегда, когда Гриша играет. Гриша не играет. Он просто сидит с гитарой на диване и держит её за гриф, и гриф смотрит вверх.

Через минуту отец заглядывает в комнату.

— Ты чего сидишь?

— Ничего.

— А гитара зачем?

— Просто.

Отец постоял, посмотрел на гриф, который смотрит вверх, и ушёл, ничего не сказав. Телевизор в коридоре стал тише.

На следующий день отец оставил на кухонном столе старую фотографию. Гриша сначала решил, что её достали для каких-то документов: маленькая, с белым краем, углы загнуты. На снимке трое сидели у подъезда. У одного была гитара, у другого на коленях лежала сумка, третий отвернулся к машине за спиной фотографа. Отца Гриша узнал по бровям.

Гитара была та самая. Только дека светлее, ремень другой, а на верхней части корпуса ещё не было длинной царапины.

— Это когда? — спросил он вечером.

Отец посмотрел, словно увидел фотографию впервые.

— До армии. Или сразу после. Не помню уже.

Грише захотелось узнать, что они играли. Но вопрос показался опасным: вдруг отец опять скажет, что там нечего уметь, взял три аккорда и пошёл. Он положил снимок на место и стал доставать хлеб.

— Этот, с сумкой, пел, — сказал отец сам. — Хорошо пел. А мы ему мешали.

— Почему мешали?

— Каждый свою версию знал. Он начнёт куплет, а мы уже в припев ушли.

Отец усмехнулся и перевернул фотографию. На обороте была дата, написанная синими чернилами. Выяснилось, что всё-таки до армии.

Гриша посмотрел на отцовские пальцы. Такие руки, казалось, должны уверенно делать всё: закручивать, прижимать, поднимать. Трудно было представить, что когда-то они не успевали за чужой песней.

— А потом научились?

— Встречаться стали реже. Он уехал. Я работать пошёл.

Отец произнёс это буднично, без сожаления. Гриша подождал продолжения, но его не было. Только на фотографии трое по-прежнему сидели рядом, и никто ещё никуда не уехал.

В комнате Гриша попробовал поставить гитару так, как показывала Вера. Удобного стула всё ещё не было. Он принёс кухонный, задел спинкой косяк и остановился, ожидая замечания.

— Потом обратно поставь, — сказал отец из коридора.

Гриша кивнул, хотя его не видели. Сел, поправил опору и попробовал один знакомый аккорд. Фотографию он положил на стол лицом вверх. Впервые хотелось выучить песню, которую можно было бы спросить у отца, а не показать ему как выполненное задание.

Удобная опора

Держать гриф. Левая рука обхватывает его и держит, и тогда она занята не музыкой, а равновесием. Это видно сразу: большой палец перекинут через гриф и сжимает его, кисть поднята, пальцы не дотягиваются до дальних ладов. Человек думает, что у него короткие пальцы. Пальцы в порядке, они держат.

Слишком низкое или неудобное положение грифа может мешать движениям кисти. Попробуйте с педагогом изменить высоту стула, опору или длину ремня и сравнить удобство. Универсального угла нет: положение зависит от инструмента, телосложения и музыкальной задачи.

Правая рука, которая лежит на деке. Ладонь на дереве, мизинец упирается, кисть не висит. В такой позиции можно шевелить пальцами, но нельзя бить: для боя нужен свободный ход кисти, а он появляется только тогда, когда опора — предплечье на краю обечайки, а не ладонь на деке.

Стул не по росту. На слишком высоком стуле колено ниже бедра, и гитара едет вниз по ноге; на слишком низком приходится сутулиться и поднимать плечи. Проверяется просто: колено должно быть чуть выше бедра, а спина прямой без усилия. Подставка под левую ногу стоит дешевле, чем год мучений.

«правильная» посадка вместо удобной. В картинках гитарист сидит ровно, как на стуле в кабинете, и новичок старается так сидеть, деревенеет через десять минут и играет хуже, чем сидел бы криво. Тело, которое держит позу, не может играть. Удобно — значит устойчиво, а не красиво.

Сразу играть стоя. Стоя гитара висит на ремне, и всё, что было выстроено сидя, разваливается: гриф клюёт, левая рука снова держит. Стоя играют позже, когда посадка уже стала привычкой, и начинают с двух-трёх песен, а не с целого вечера.

Не покупайте ничего заранее. Ни стойку, ни подставку, ни «правильный» стул: сначала пусть ребёнок скажет, что у него сползает. Покупка до жалобы — это ваша тревога, а не его потребность, и она обычно стоит денег и лежит в углу.

Фраза «сядь ровно» ничего не значит, потому что непонятно: ровно — куда? Скажите конкретное: «подними гриф», «подвинь гитару к себе», «поставь ногу на скамейку». Ребёнок понимает движение и не понимает абстракцию.

Когда ребёнок играет тихо, не просите громче. Тихо — это почти всегда про соседей и про страх, что услышат, как не получается. Громкость придёт, когда уйдёт страх, а не наоборот.

И главное. Не говорите «на гитаре каждый может» — ни в похвалу, ни в упрёк. В похвалу это значит «ничего особенного ты не сделал». В упрёк — «зачем ты тратишь время». Фраза безобидная только на слух; ребёнок слышит в ней, что его занятие ничего не стоит, и через год перестаёт садиться за инструмент, не понимая почему.

Одна вещь, которую стоит проверить за десять секунд: посмотрите на гриф сбоку. Если он смотрит в пол — всё остальное будет не получаться, сколько бы ребёнок ни старался. Это не про способности. Это про угол.

Гитару поддерживают так, чтобы движение пальцев не нарушало её равновесия. В разных посадках участвуют корпус, предплечье, бедра, ремень или специальная опора. Единственной схемы для всех инструментов и исполнителей нет.

Первая — правое бедро. Гитара лежит на нём нижней частью корпуса, и бедро ловит её вес. Вторая — грудь: нижний край деки касается корпуса чуть выше пояса, и это не давит, а придерживает. Третья — предплечье правой руки, которое лежит на верхней обечайке, там, где корпус уже широкий. Не ладонь на деке, не локоть на гитаре, а предплечье на краю.

Угол грифа выбирают по удобству обеих рук. Заданное число градусов не является критерием правильности. Важно, чтобы не приходилось постоянно подтягивать инструмент, поднимать плечо или удерживать кисть в неприятном положении.

Без одной поправки всё это превращается в догму. Люди разные, и посадка у них разная. У человека с длинным корпусом и короткими руками гитара сидит ниже; у человека с большим животом она неизбежно отходит от груди, и вторая точка смещается; у женщин с большой грудью инструмент часто ставят иначе, и это не «неправильно», а единственно возможное. Есть гитаристы, которые играют с грифом почти горизонтально, и есть те, у кого он смотрит сильно вверх. Общее у них одно: инструмент у них стоит, а руки свободны.

Сюда же относится размер инструмента, о котором вспоминают в последний момент. Гитара с большим корпусом и длинной мензурой тянет гриф вниз своим весом: у человека с короткими руками и узкими плечами она физически не может стоять так, как стоит у взрослого мужчины. Он компенсирует — поднимает плечо, наклоняет корпус, вытягивает шею, — и через полчаса у него болит спина, а через месяц он решает, что гитара не его. Иногда дело действительно в размере, и это единственный случай в этой главе, когда проблема решается не посадкой, а другим инструментом.

Посадка не постоянна, и это стоит знать заранее. На бое правая рука работает широко, и гитара сидит плотнее; на переборе кисть ближе к струнам, и инструмент чуть доворачивают. Ремень, кстати, помогает и сидя: он не даёт инструменту уехать. Если гитара всё равно сползает, наденьте ремень и укоротите его так, чтобы сидя он только касался плеча: этого хватает, чтобы гриф перестал клевать.

Через полгода вы будете сидеть не так, как сидите сейчас, и это нормально. Посадка — не поза, а рабочее положение, и она подстраивается под то, что вы делаете.

Попробовать на занятии

Сядьте с гитарой и не играйте. Совсем. Это первое и самое трудное.

Выберите с преподавателем устойчивую опору для гитары. Не убирая руку, проверьте, можете ли свободнее менять аппликатуру, не лоя корпус после каждого движения. Если инструмент скользит, сначала уточняют его положение и поддержку, а затем возвращаются к аккордам.

Поднимите гриф. Посмотрите на него сбоку, как смотрят на уровень. Он должен смотреть чуть вверх — примерно на тридцать градусов. Если для этого приходится поднимать плечо, значит, стул низкий или не хватает подставки под ногу.

Посмотрите, как меняется положение большого пальца в разных аккордах. Оно зависит от задачи и техники. Само по себе появление пальца над краем грифа не доказывает ошибку. Проверьте с педагогом, не мешает ли хват нужным движениям и не вызывает ли дискомфорта.

Наклонитесь вперед, не меняя положения рук. Гитара не должна съезжать по бедру. Если съезжает, сядьте глубже на стуле и подвиньте инструмент ближе к себе, а не дальше.

Посидите так две минуты, ничего не играя. Тело должно запомнить, что инструмент стоит сам. Это скучно, и это единственное упражнение из всей книги, которое не требует ни одной ноты.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.